

Н.И. Полетаева

Купечество Беларуси: источники формирования (60-е годы XIX – начало XX вв.)

Вопрос об источниках формирования купеческого сословия белорусских губерний имеет определенный научный интерес. Его изучение важно не только для воссоздания собственно истории данной сословной группы, но и для конкретизации проблемы формирования буржуазных слоев в дореволюционной Беларуси. В белорусской историографии данный аспект специально не исследовался, исключение составляет лишь фрагмент монографии З.В. Шибко, который, анализируя источники пополнения городских жителей, подчеркнул, что в 80–90-е гг. XIX в. купеческое звание приобретали главным образом мещане [1].

Логичным было бы рассмотрение данного сюжета в разрезе: естественный и механический прирост. Но естественный прирост купечества проанализировать не представляется возможным, поскольку ни один исторический источник не содержит данные о том, сколько человек в этой сословной группе рождалось и умирало в конкретные отрезки времени. Вероятно, потребовался бы кропотливый анализ метрических книг, но такой вид документов выходит за рамки нашего исследования. Если в перспективе в белорусской историографии появятся работы, в которых будут подробно исследованы демографические процессы второй половины XIX – начала XX вв., то окажется возможным восполнить существующий пробел.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что купеческое сословие формировалось за счет ежегодной записи в него, что зависело только от субъективного желания и возможностей отдельных лиц. Поэтому, помня, что естественный прирост имел место, автор сосредоточилась на анализе источников механического прироста купечества.

Ответ на этот вопрос и прост, и сложен одновременно. Прост потому, что вероятные варианты его пополнения были предусмотрены в законодательстве. Купеческие свидетельства могли быть «выдаваемы лицам обоего пола, русским подданным всех состояний и иностранцам», за исключением священно- и церковнослужителей, протестантских проповедников и нижних воинских чинов, состоявших на службе [2, 3]. Сложен – в силу того, что необходимо было подобрать документальные источники, в которых все возможные компоненты выражены статистически и во временной динамике. Обобщающих сводных данных по белорусским губерниям найти не удалось. В распоряжении автора оказались только три типа документов, позволивших проследить происходившие в этом процессе тенденции.

Во-первых, это списки купцов по городам и уездам. Но проблема заключалась в том, что далеко не всегда и не везде чиновники на местах заполняли графу о том, из какого сословия и географического пункта происходил тот или иной купец. Достаточно полные интересующие нас данные за период 1876–1907 гг. имеются лишь по Минской губернии. Кроме того, есть отдельные сведения по Витебской губернии за 1908 г. и по Минску за 1913 г.

Во-вторых, сведения за 1864 г. о причисленных к Могилевской губернии и отчисленных из нее лицах, в том числе и купцах, и аналогичные документы за 80-е гг. XIX в. по Минской губернии.

В-третьих, материалы переписи населения 1897 г. по Виленской и Витебской губерниям, где присутствует информация о том, уроженцами каких мест являлись представители купечества. Белорусские уезды здесь выделить невозможно, поэтому были использованы погубернские сведения. Отметим лишь, что поскольку перепись фиксировала не только приписанных к определенным городам и уездам, но и всех находившихся в тот момент на данной территории лиц, то эти материалы рассматриваются как доказательство происхождения более широкого круга купцов и членов их семей, чем собственно купцов Беларуси.

Можно вести речь о двух основных компонентах в изучаемых процессах: сословно-социальном и территориальном. Первый позволяет определить соотношение основных сословий и сословных разрядов, за счет которых формировался контингент купечества; второй – выявить, из каких регионов происходила приписка.

Теоретически любой житель империи и иностранец мог быть включенным в состав сословия. Для этого необходимо было подать в городскую думу или заменявшее ее учреждение соответствующее прошение установленного образца. Реально же можно вести речь только о самих купцах, мещанах, потомственных почетных гражданах, крестьянах и некоторых других сословных группах. Дворянство в состав сословия не включалось, поскольку его права были гораздо шире, чем те, которые предоставлялись купечеству. Но в том случае, если представители высшего сословия занимались предпринимательской деятельностью, они записывались в купеческие гильдии, не входя в состав купечества.

На протяжении всего исследуемого периода основным источником формирования купечества было мещанство. Его привлекал специфический социальный статус купцов, которые стояли несколько выше на общественной «лестнице». Этот статус избавлял мещан от некоторых административных ограничений, а также предоставлял им более широкие коммерческие возможности. Как показывают источники, роль мещанства с течением времени все более возрастала. Так, по нашим подсчетам, в середине 70-х гг. XIX в. в Минской губернии из мещан происходили 54,19% всех купцов. К 1880 г. их было 60,23%, к 1890 г. – 70,15%, а к 1907 г. – уже 74,73% [4]. Следовательно, если в 70-е гг. XIX в. немногим более половины купеческого сословия формировалось за счет мещан, то в начале XX в. – почти три четверти. Этот факт подтверждается данными по Витебской губернии, где в 1908 г. свыше 67% купечества были выходцами из мещанства [4, Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л. 6-19; д. 534, л. 1-70; д. 592, л. 3-10 об.]. В Минске в 1913 г. подавляющее большинство – 86,90% – купцов происходили из мещан [4, Ф. 1, оп. 1, д. 6312, л. 1-463]. Помимо предпринимательских интересов объяснение, на наш взгляд, может быть таким: именно купеческое звание давало представителям зажиточных еврейских слоев шанс покинуть черту оседлости.

Вторым по значимости источником являлись сами купцы. Здесь выделялись те, кто, во-первых, на протяжении десятилетий состоял в сословии, во-вторых, дети купцов, которые в случае разделения капитала и открытия собственного дела самостоятельно записывались в купечество. Анализ динамики этого компонента показывает, что его роль постепенно снижалась. Если в 70-е гг. XIX в. собственно купечество давало почти 40% пополнения сословия, то к 90-м гг. – чуть более четверти (26,58%). В начале XX в. этот показатель изменился незначительно: в Минской губернии он составил 23,07%, в Витебской – 26,92%. Судя по некоторым данным, можно полагать, что к 1913 г. их доля еще более сократилась. В Минске, к примеру, в 1913 г. лишь 11,28% составляли выходцы из купечества [4; Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л. 6-19; д. 534, л. 1-70; д. 592, л. 3-10 об. 6; Ф. 1, оп. 1, д. 6312, л. 1-463]. Можно назвать ряд имен, которые встречаются в списках

купцов и в последней трети XIX, и в начале XX вв. Это несколько поколений купцов Вейсбремов, Поляков, Сутиных, Тасьманов, Шабатов и некоторых других. Возможно, семейные традиции играли здесь не последнюю роль.

Представительство остальных сословных групп, пополнявших купечество, было незначительным, однако о них стоит сказать подробнее. Крестьянство не стало существенным источником притока извне в купеческое сословие. Если в первые десятилетия после отмены крепостного права на его долю приходилось немногим более 3% от всех записавшихся, то в конце XIX – начале XX вв. его удельный вес снизился до совершенно незначительных величин – 0,20% по Минской губернии [4]. В Витебской губернии такие факты в этот период вообще не отмечались. Безусловно, среди причин этого явления можно назвать и конкуренцию со стороны городских торговцев, и бедность и недостаточность капиталов белорусского крестьянства. Можно согласиться также с мнением З.В. Шибeko о том, что к концу XIX в. белорусы, составлявшие основную массу крестьянства, «фактически утратили традицию торгово-промышленной деятельности» [1].

Тем более важным представляется возвращение из исторического небытия имен тех лиц, которые вышли из крестьян и достаточно долгое время пребывали в купечестве. Это И.Д. Бакуненко, впервые записавшийся в купечество Речицы в 1862 г. и состоявший в нем до конца XIX в., затем династию продолжил его сын Г.И. Бакуненко. В Речице же среди купцов был выходец из крестьян Горвольской волости Речицкого уезда Ф.Ф. Рыликов. В Минске в 70–80-х гг. XIX в. в купцах состояли бывшие крестьяне Ф.Ф. Михаленко и А.Н. Задерковский, в 80–90-х гг. в Мозыре – И.Ф. Врычев и Е.С. Корнев, в Бобруйске – И.А. Гриневиц [4, Ф. 333, оп. 4, д. 4817, л. 2; д. 4819, л. 28; д. 4821, л. 9; д. 4554, л. 23-24; д. 8870, л. 304; д. 13643, л. 35]. Как правило, они записывались во вторую гильдию, но, вероятно, в начале XX в. некоторые из них в результате столыпинских преобразований смогли стать и более солидными коммерсантами. Так, в 1909 г. из крестьян деревни Дворище Жеробычской волости Витебского уезда сразу в первую гильдию по г. Городок Витебской губернии был причислен Я.С. Фролов с семьей из шести человек [4, Ф. 2640, оп. 1, д. 528, л. 69]. Но этот факт можно рассматривать скорее как исключение.

Часть купцов одновременно носила звание потомственных почетных граждан. Наблюдалась незначительная тенденция к росту этого компонента: по Минской губернии с 0,51% в середине 70-х гг. до 2,62% в 90-х гг. XIX в. Для начала XX в. характерен обратный процесс – сокращение удельного веса данной сословной группы в купечестве: в Минской губернии – до 2%, в Витебской губернии их доля была и того меньше – 0,64% [4; Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л. 6-19; д. 534, л. 1-70; д. 592, л. 3-10 об.]. Это объяснимо нормами Положения 1898 г. о том, что лица, принадлежавшие к потомственным почетным гражданам, могли по своему желанию выбирать гильдейское свидетельство, но без причисления в купечество. Однако некоторые из них все же желали сохранить купеческое звание. Так, А.М. и Л.М. Лурье, семьи которых относились к почетным гражданам, в начале XX в. специально обращались в Минскую казенную палату с просьбой о зачислении их в купечество. В 1904 г. это прошение было удовлетворено. Но постановлением той же палаты от 25 января 1907 г. оба были исключены из состава купечества по Пинску [4, Ф. 333, оп. 4, д. 13643, л. 10; ф. 611, оп. 5, д. 36, л. 53, 99]. Следовательно, сокращение такой составляющей, как потомственные почетные граждане вызвано скорее не тем, что они покидали предпринимательские круги, а существовавшими законодательными принципами.

Кроме Лурье, высшее городское сословное звание – потомственного почетного гражданина – имели бобруйские купцы Б.И. Рабинович, Б.Е. Баркан и Л.Х. Го-

лодец, игуменские купцы Б.В., Г.В. и Б.М. Зельдовичи, витебские купцы Ф.Г. Волкович, Ш.М. Шнеерсон [4, Ф. 333, оп. 4, д. 4554, л. 49, 86; д. 5245, л. 5; д. 6270, л. 38; д. 6271, л. 102; ф. 2496, оп. 1, д. 1049, л. 314, 332] и некоторые другие.

Назовем еще одну социальную группу, которая в 70–80-х гг. XIX в. отмечалась среди купечества. Это, по терминологии источников, неутвержденные дворяне. Представители шляхты, не сумевшие документально доказать свое происхождение, были вынуждены причисляться в другие сословия, некоторые из них записывались в купеческое сословие. Такие факты отмечались, к примеру, в Речицком уезде (Э.И. Энгель, А.А. Бантис, М.О. Бобровский) [4, Ф.333, оп. 4, д. 4500, л. 33-34, д. 4554, л.146]. Их удельный вес был чуть более 2% [4]. Это явление было характерно только для 70–80-х гг. XIX в. Позднее такие факты не зарегистрированы.

Некоторая часть купцов происходила из отставных военных, а также еврей-земледельцев. В целом удельный вес этого компонента не превышал 1%. Судя по некоторым сведениям, в начале XX в. в купечество стали приписываться представители и других социальных слоев. К примеру, в Витебской губернии в 1908 г. 5,13% купцов происходило из аптекарей и дантистов [4, Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л. 6-19; д. 534, л. 1-70; д. 592, л. 3-10 об]. В данном случае речь идет не о сословной, а о профессиональной группе. Дело в том, что в этот период получила распространение приписка в купечество только для звания, без всякой связи с предпринимательской деятельностью. Данный факт можно рассматривать как косвенное подтверждение процесса постепенного размывания старых сословных перегородок.

Дополнить материал о сословных компонентах формирования купечества позволяют документы о перечислениях из белорусских губерний и обратно. Будучи достаточно фрагментарными, они все же позволяют подтвердить очерченные тенденции. В 60-е гг. XIX в. в Могилевской губернии из приписавшихся к купечеству лиц большинство – 85,26% – происходило из этого же сословия, 9,48% – из мещан, 5,26% – из крестьян. Из отчисленных в купечество других губерний не изменило сословную принадлежность чуть более половины общего числа. Из мещан в купцы выписались 44,83 %, из крестьян – 3,44% [4, Ф. 2001, оп. 1, д. 949, л. 41-42 об.]. Вероятно, в этот период потенциал собственно купцов был еще достаточно велик, а мещане пока не успели воспользоваться преимуществами, предоставленными законами 1863–1865 гг. Часть крестьян также пыталась продвинуться по существовавшей тогда социальной «лестнице», но здесь подчеркнем одну деталь. Крестьяне, причисленные в купечество Могилевской губернии, происходили не из белорусских, а из других российских губерний – Смоленской и Костромской.

Аналогичные документы по Минской губернии иллюстрируют произошедшие изменения в сословном составе купцов, причисленных и отчисленных за 80-е гг. XIX в. Уже не сами купцы, а мещане давали основную массу лиц, приписанных к сословию – 87,50% в начале десятилетия и 71,43% в конце его [4, Ф. 333, оп. 4, д. 5341, л. 4-6; д. 5827, л. 4-7; д. 6268, л. 4-6]. Что касается отчисленных в другие губернии, то здесь доминировали представители купечества и в начале, и в конце 80-х гг. Это были в основном семьи купцов первой гильдии, воспользовавшиеся правом приписки к любым губерниям империи. Здесь явно прослеживается вектор межсословных и региональных перемещений: от мещанства к купечеству в границах черты оседлости, а затем после пятилетнего пребывания в нем – за пределы этой черты.

При анализе территориальных компонентов формирования купечества, базирующимся на списках купцов, в основу группировки данных были положены сведения о том, откуда купцы происходили: из своего уезда, из других уездов той же губернии или из других губерний. Обобщенные данные говорят

о том, что и во второй половине XIX. и в начале XX вв. основной контингент купечества компановался из местного населения. В Минской губернии в середине 70-х гг. XIX в. свыше 70% купцов были приписаны в сословие из жителей своих же уездов. Можно констатировать незначительную тенденцию к снижению их числа: за тридцать лет их удельный вес снизился до 61,36%. По Витебской губернии к 1908 г. аналогичный показатель составлял 57,69% [4; Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л. 6-19; д. 534, л. 1-70; д. 592, л. 3-10 об.; Ф. 1, оп. 1, д. 6312, л. 1-463].

Учитывая, что удельный вес купцов, происходивших из других уездов той же губернии, почти не изменился (19,18% в 1876 г. и 18,75% в 1907 г.), можно полагать, что сокращение доли местных предпринимателей в купечестве происходило за счет выходцев из других губерний. Если в Минской губернии в середине 70-х гг. XIX в. их было 10,08%, то в начале XX в. – почти 20% [4; Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л. 6-19; д. 534, л. 1-70; д. 592, л. 3-10 об.; Ф. 1, оп. 1, д. 6312, л. 1-463].

Данные сведения не противоречат материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., согласно которым на долю местных уроженцев среди купечества в Виленской губернии приходилось от 69,2% в уездах до 78,4% в городах. Соответственно число уроженцев других губерний находилось в пределах от 15,7% в городах до 18,2% в уездах [5]. Сопоставление данных переписи и результатов, полученных нами в ходе анализа списков купцов по Витебской губернии, дает основания полагать, что здесь также наблюдалась отчетливая тенденция к сокращению числа выходцев из местных жителей и росту удельного веса лиц, происходивших из других губерний. Если в конце XIX в. в ее городах 23,6% купцов были зарегистрированы как уроженцы других губерний, в уездах – 13,2%, то в начале XX в. удельный вес купцов, происходивших из других губерний, достигал почти 32,7% [4; Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 3-12; д. 528, л. 62-69; д. 529, л. 6-19; д. 534, л. 1-70; д. 592, л. 3-10 об.].

Это было связано как с ростом мобильности населения в целом, так и с постепенным накоплением капиталов у отдельных лиц, перенесением коммерческих интересов из одних регионов в другие. Не последнюю роль сыграл и такой фактор, как несовпадение места жительства купцов и места их официальной приписки. Если во второй половине XIX в. такие факты были редки, то в начале XX в. они стали достаточно массовыми. Во многих городах Беларуси были приписаны купцы, которые здесь фактически не проживали, но числились в местном купечестве как происходившие из других регионов. Так, в 1908 г. один из купцов Лепеля проживал в Туапсе, из полоцких купцов – пять в Риге, два в Рыбинске, один – в Бельске, в 1913 г. из 180 семей купцов Волковыска 35 были приписаны из Минска, Либавы, Лодзи, Риги, Варшавы, даже Бухары [4; Ф. 2640, оп. 1, д. 525, л. 12; д. 592, л. 4, 9, 10; 6]. Почти все они были записаны в купеческие списки с пометкой «для прав».

Определенный интерес представляет анализ регионов перемещений купечества, проведенный на основе материалов об их приписке и выписке. Оказалось, что в 60-е годы XIX в. 70% причисленных купцов Могилевской губернии происходили из белорусских уездов, остальные 30% – из Калужской, Смоленской, Киевской, Августовской, Черниговской, Костромской губерний [4; Ф. 2001, оп. 1, д. 949, л. 41-42 об.]. В 80-е гг. произошло увеличение доли купцов из белорусских губерний в общей массе приписанных – по Минской губернии до 80% в начале 80-х гг. и до 90% в конце 80-х гг. Соответственно сократилась доля причислявшихся из небелорусских губерний. В отчислениях купцов в другие губернии трудно выделить какую-либо закономерность. Если в начале 80-х гг. XIX в. лишь 15% представителей сословия переезжали в не-

белорусские губернии, то в середине 80-х – 77%, а в конце десятилетия – 30% [4, ф. 333, оп. 4, д. 5341, л. 4-6; д. 5827, л. 4-7; д. 6268, л. 4-6]. В начале 90-х гг., по данным З.В. Шибeko, волна переселений за пределы пяти западных губерний шла на спад: уже от 20 до 10% купцов приписывались в небелорусские губернии. Очевидно, лишь немногие из купцов Беларуси отваживались покинуть пределы той территории, где они годами налаживали деловые связи. Но в тех случаях, если они все же переезжали в другие регионы России, они сами становились источником пополнения купечества империи в целом.

Таким образом, в исследуемый период, несмотря на то, что почти все граждане империи имели право быть включенными в состав купеческого сословия, реальный вклад в его формирование внесли главным образом купцы и мещане. Причем соотношение между этими группами с течением времени изменялось. Если в 60-е годы XIX в. сами купцы являлись основным социальным компонентом формирования данного сословия, то уже в середине 70-х гг. свыше половины контингента происходило из мещан. Тенденция доминирования мещанства к концу XIX – началу XX вв. стала еще более ярко выраженной – почти три четверти купцов Беларуси происходили из мещан. Другие социальные группы и слои были представлены весьма слабо, отмечалось представительство крестьян, потомственных почетных граждан, оставшихся военных, неутвержденных дворян.

Территориальная составляющая также претерпела некоторые изменения. Хотя в целом среди купцов преобладали выходцы из той же местности, где они были приписаны, тем не менее наметилось некоторое сокращение их удельного веса. Учитывая, что доля жителей других уездов практически не изменилась, это происходило за счет притока в купечество представителей других губерний империи, главным образом черты еврейской оседлости. Эту тенденцию можно рассматривать как косвенное подтверждение факта периодического перенесения коммерческих интересов и деятельности купцов из одних регионов в другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шибeka З.В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў). – Мн., 1997. – С. 159, 171.
2. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXXVIII. Отд. 1-е. 1863. – СПб., 1866. – С. 21.
3. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XL. Отд. 1-е. 1865. – СПб., 1867. – С. 20.
4. Национальный исторический архив Беларуси в Минске. Ф. 333, оп. 3, д. 914, л. 24-43, 57-67; оп. 4, д. 4554, л. 2-171; д. 4820, л. 2-16, 20-35; д. 4817, л. 2-10; д. 4821, л. 9-12; д. 6276, л. 12-23; д. 4946, л. 17-24; д. 4819, л. 5-33; д. 4818, л. 3-9, 47-48; д. 919, л. 15-31; д. 914, л. 24-42, 57-67; д. 6273, л. 2-9; д. 6272, л. 24-92, 135-160; д. 6269, л. 2-60; д. 6274, л. 19-28; д. 6275, л. 27-45, 73-82; д. 6270, л. 38-57; д. 6271, л. 101-107; д. 9747, л. 2-220 об.; д. 13643, л. 2-192 об.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. 4, 5. Табл. XVI.
6. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 237, оп. 1, д. 61, л. 25-65.

S U M M A R Y

The article tells about sources and directions of formation of merchants on western grounds of the Russian Empire in the period from the 60s of the 19th century to the beginning of the 20th century. The special attention is given to sphere of the appendix and search of the capitals. The conclusions are made on the basis of little-known sources.

Поступила в редакцию 15.09.2003